

ПОЛИФОННИЯ БИСТИ

Д. БИСТИ. Из иллюстраций к пьесам А. Н. Островского, поэме Гомера «Илиада», к поэме Е. Исаева «Суд памяти».

ПАМЯТЬ — художественна. События минувшего она окрашивает современными отношениями, интерпретируя факты, возводя или низводя их, сужая или расширяя событийный их контекст. Уже в ее избирательности, то есть способности кадровать прошлое, заключено одно из свойств памяти как художественного инструмента. С течением времени, набираясь исторического опыта, она развивается, взрослеет, и выражение глаз ее порой разительно меняется — так, скажем, некая героическая битва древних времен может выглядеть сейчас как достаточно пустячный конфликт по вздорному поводу. А с другой стороны, по ходу лет событие может укрупняться в глазах памяти. Ей виднее, потому что смотрит на расстоянии, в масштабе.

Художнику-иллюстратору постоянно приходится сверяться с этим свойством памяти — ведь он прежде всего от ее имени выступает, как ее доверенное лицо. И память требует от него неравнодушия.

Вот на такие размышления выводит общение с работами **Дмитрия Бисти**, члена-корреспондента Академии художеств СССР, лауреата Государственной премии СССР, обращающегося в силу своих творческих пристрастий к литературе веков совсем седых и помоложе — и всегда остающегося пристрастным, что есть истинный признак творческой силы.

В иллюстрациях Бисти всегда есть **отношение** к произведению, к событию, причем оно может в чем-то отличаться от отношения авторского — что ж, если художник оказался «старше» писателя на несколько веков... Не может современный человек читать Гомера в тени ионической капители, аккомпанируя себе на кифаре, — иной век на дворе. Век, испытавший потрясения, доселе невиданные.

...Из мрака выступает безжалостное лицо убийцы в рогатой каске, немигающий глаз автоматного дула смотрит прямо на нас. Это из иллюстраций Бисти к поэме Егора Исаева «Суд памяти». Да, память вершит свой суд, и художник выступает как прокурор. Здесь все определено, без полутонов — а разве можно иначе о тотальной бесчеловечности, о жестоком лике войны? Эти работы Бисти выполнены максимально лаконично, «весомо, грубо, зримо», с подчеркнутой наглядностью и метафоричностью планката, чему так способствует техника ксилографии. Вермахтовские воины предстают фигурами обобщенными — достаточно условны их каски, оружие и безусловна бездушная машинария уничтожения. Их силуэты вламываются в пространство листов нагло, резко, нарастает их движение от страницы к странице, чтобы обернуться согбенной фигурой убийцы-капитулянта, чтобы погаснуть в поле, уставленном крестами с касками. Это реквием, но реквием особого рода — гневный, не знающий жалости и снисхождения, реквием-анафема.

А вот другой реквием — тоже исполненный гнева, но и проникнутый гордостью и болью: книга Эйжена Вевериса «Сажайте розы в проклятую землю!», носящая подзаголовок «Поэтический дневник узника Маутхаузена». Уже буквы обложки и титульного листа складываются подобно тяжким камням, давая ощущение тягостности испытания. В иллюстрациях к книге Вевериса Бисти не фиксирует деталей страшного концлагерного быта — он дает символ ужасающего бытия. Три черных шипастых ствола на фронтисписе рвутся вверх, как трубы чудовищного органа, исторгающего музыку скорби и гнева, смерти и борьбы. Эти

колючие стволы реактивно врываются в белизну разворотов, своими черными вспышками раздирая пространство, словно пластическая интерпретация пронзительной болевой мелодии реквиема.

Избрав в спутники память, в несказанные дали можно забрести. Немалое время провел Бисти в античности, в эпохе Гомера и рассказал нам о том, каким увидел этот мир.

Вот где расстояние — создана «Илиада» в восьмом веке до нашей эры, а описанные в ней события происходили и того раньше — веке в двенадцатом. Расстояние прямо-таки космическое — недюжинная зоркость нужна здесь художнику. Хотя, казалось бы, изобразительное решение тут есть почти готовое — пески времен не поглотили безвозвратно античную культуру: древнегреческая скульптура, вазовая живопись достаточно известны, изучены, популярны даже, так что элементарная стилизация способна породить благодарное узнавание. Благодарное и — бездумное. Как и всякая стилизация. Бисти десятка два лет назад уже сыграл в поддавки с античностью, когда впервые оформлял «Илиаду» и «Одиссею» для массового издания, — полувитатное (в опоре на греческую вазовую живопись) решение дало результат малоудовлетворительный. Археологическая точность не панацея.

Нет, нельзя, конечно, сказать, что в нынешних иллюстрациях к гомеровскому эпосу Бисти постарался «забыть» о языке античной пластики. В чем-то он, например, определенно отталкивался от древнегреческой скульптуры — и это помогло уйти от плоскостного решения, придало изображению объем. Но античная достоверность была на сей раз взята лишь за основу, а более всего Бисти заболел о том, чтобы выразить **отношение**. Свое, наше, современное отношение к гомеровскому эпосу, к его событиям.

«Илиада» — широкое эпическое полотно; как выразить это в череде гравюр? Бисти пошел по пути последовательного движения картин, каждая из которых — как бы эпизод одной большой битвы. И битва эта мощна и грандиозна.

Она разворачивается на некоем настиле, помосте, сразу за

которым — морская гладь и огромное небо. На помосте, воспринимающемся как театральные подмостки: ассоциация не случайная, ведь Бисти изображает, как говорили прежде, театр военных действий, истолковывая это выражение чуть буквально, чем принято. Оно и верно: древний эпос не привержен документализму и всегда чуть театрален. На этих подмостках и сшибаются в жестоких схватках мощные воины.

Фигуры их утрированно могучи, полны сокрушительной динамики. «Как же так? — может кто-то подумать. — Гомер все-таки, эпос...» То-то и оно, что Гомер. Откройте «Илиаду»: «С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи». Или так: «Грнулся он, как великая башня, среди бурного боя», «чит светозарный насквозь пробежала могучая пика». Утрировано в иллюстрациях и оружие. Шлемы тяжелы и громоздки — для усиления впечатления мощи. Мечи укорочены — и это сближает противников, они сплетаются в динамичном танце боя. То Диомед, то Ахиллес, размахивая тяжелым копьем, выносят его конец за рамку гравюры — и это придает действию экспрессию.

От ксилографии словно исходит грохот исполинских схваток (такое звуковое впечатление подчеркивает «помост») и зной — на фоне схваток зависает эпически огромный диск солнца.

Бисти не портретирует героев Гомера — они чаще только сверкают зрачком сквозь прощелье шлема, и не отличить троянца от ахейца. Но это решение как раз в духе Гомера, он всех героев описывает как могучих богатырей, не делая различия между ахейцами и троянцами, равно ими восхищаясь.

Другое дело, что Гомер своими героями только любит, а наш современник Бисти относится к ним уже не столь однозначно. О да, они и отважны, и могучи, однако же и свирепы, и жестоки. «И море, и Гомер — все движется любовью? Полноте: за красивой легендой — типичная захватническая война, немилосердная и бесчеловечная. Об этом полутно и напоминает художник, внося в иллюстрации некоторый, можно сказать, антивоинный акцент. Каждый персонаж у него — герой, боец, но и — милитаристское чудовище на античных ладах.

А вот по отношению к богам у Бисти с Гомером нет разногласий. Древние греки, как можно судить, относились к своим богам по-домашнему добродушно, без чрезмерного пиятета. Вот и Гомер порой, когда речь заходит о богах, оказывается едва ли не сродни Парису с его здоровой фривольной иронией: во всяком случае, не стесняется приписывать небожителям чисто человеческие слабости. В чем, разумеется, находит у Бисти полную поддержку и понимание.

Вот в песни XIV Гера, дабы помочь ахейскому войску, обольщает Зевса, призывая его «почить и объятий любви наслаждаться». Громовержец и поддался на сладкую провокацию «лилейнораменной» супруги. Понятно, что Бисти в этом случае ироничен нескрываясь: по иллюстрации сразу видно, что Зевса не пришлось долго уговаривать — он даже и колчан свой с молниями забросил. Это, можно сказать, шарж на громовержца — ну что ж, коли он того заслуживает...

И по соседству с явной иронией присутствует в этом цикле работ Бисти и лирика: например, в иллюстрации к шестой песни, где прощально застывают подобно статуям женские фигуры и единственный раз рядом с жестким, жестоким помостом появляется земля... Или в заключительной иллюстрации

к «Илиаде», когда Приам скорбно склоняется перед черной колесницей с телом Гектора и, согласно горю, клонится солнцу...

Подобная полифония присутствует и в цикле иллюстраций Бисти к «Одиссее». Но здесь деление настроений более явное, потому что ведь и саму поэму условно можно разять на три части: «героическую» (похищение женихов), «бытовую» (эпизоды, связанные с Навзикаей, Пенелопей) и «сказочную», когда Одиссей и его спутники вступают в борьбу со всякого рода мифологическими функционерами типа циклопа или сирен. В этом цикле примечательна прежде всего фигура самого Одиссея, точнее — масштаб его фигуры: если в «сказочной» части и он, и его соотарицы малы и едва ли не ничтожны, а в «бытовой» он человек обычных пропорций, то в «героической» Одиссей подобно богатырям «Илиады» вырастает на глазах...

Вергилиевская «Энеида» создана в опоре на эпос Гомера. В творчестве же Бисти получилось наоборот: за несколько лет до великолепного цикла к «Илиаде» он выполнил иллюстраций к «Энеиде». И интересны они не только сами по себе, а и тем, что здешние персонажи (а Вергилий щедр на батальность) для нас — предтечи героев «Илиады» (разумеется, по изобразительной трактовке Бисти). Решение здесь еще плоскостное, ирония неявна, но оптимальное ритмическое построение уже нащупывается.

Ритм иллюстрации всегда заботит Бисти — достаточно вспомнить его орфорты к эпосу европейскому — «Песни о Роланде» и «Песни о Сиде». Здесь действие обнажено — на какой-то необозримой пустоши, в гулком пространстве разит Роланд врагов могучим Дюрандалем, заносит копье, приподнявшись в стремени, Сид Кампеадор. Если гравюры к «Илиаде» создавали ощущение грохота, то от этих орфортов будто бы исходит треск переключивающихся копий. И опять-таки одновременно присутствуют и героика, и ирония. При чем ирония легкая, едва уловимая, деликатная, хотя волю ей можно было бы дать — ого-го! Как, допустим, усмехался французский испанист, Дамас Инар: «...Турпен после четырех ранений копьем или Роланд с раскороенной головой и брызжущим из ушей мозгом действуют и сражаются как ни в чем не бывало». Но Бисти отнесся к славным рыцарям по-рыцарски, память его учтивая.

И раз уж мы о памяти, то надобно помянуть и особую ее разновидность: память о несуществующем. Впрочем, о несуществующем ли? Воображение — это бессознательная память, как сформулировали братья Гонкуры, то есть любой вымысел имеет опору в реальной жизни. Вот и иллюстрируя повесть Акутагавы Рюноске «В стране водяных», следуя умной и едкой насмешливости писателя, Бисти тоже дает простор своей блистательной ироничности, вроде бы всячески убеждая нас, что страна кап — мир совершенно особый, ну вот ни-сколечко не похожий на здешний, ну ни чуточки...

Можно многое еще говорить о творчестве Дмитрия Бисти, вспомнив его полные психологизма иллюстрации к новеллам того же Акутагавы, сарказм орфортов к стихам Василия Курочкина или философски-символическое решение работ к поэзии Александра Блока. Но уже и на примере бегло обозначенных отрезков его пути можно сказать с полной определенностью, что столь часто выступающая в содружестве с литературой Мнемозина уж давно обрела в лице Дмитрия Бисти слугу понятливого и верного.

Алексей ЕРОХИН